

ДЖОН СТЕЙНБЕК

К ВОСТОКУ ОТ ЭДЕМА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

C79

Серия «Эксклюзивная классика»

John Steinbeck

EAST OF EDEN

Перевод с английского *Л. Папилиной, Г. Злобина*

Серийное оформление *А.В. Фереца, Е.Д. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A. Steinbeck
и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc. и Andrew
Nurnberg.

Стейнбек, Джон.

C79

К востоку от Эдема : [роман] / Джон Стейнбек ; [пер. с англ. Л. Папилиной, Г. Злобина]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 960 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-102580-9

Шедевр «позднего» Джона Стейнбека. «Все, что я написал ранее, в известном смысле было лишь подготовкой к созданию этого романа», — говорил писатель о своем произведении.

Роман, который вызвал бурю возмущения консервативно настроенных критиков, надолго занял первое место среди национальных бестселлеров и лег в основу классического фильма с Джеймсом Дином в главной роли.

Семейная сага...

История страстной любви и ненависти, доверия и предательства, ошибок и преступлений...

Но прежде всего — история двух сыновей калифорнийца Адама Траска, своеобразных Каина и Авеля. Каждый из них ищет себя в этом мире, но как же разнятся дороги, которые они выбирают...

«Ты можешь» — эти слова из библейского апокрифа становятся своеобразным символом романа.

Ты можешь — творить зло или добро, стать жертвой или безжалостным хищником.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© John Steinbeck, 1952

© Elaine A. Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV renewed 1989

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Перевод. Г. Злобин, наследники, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-102580-9

Посвящается Паскалю Ковичи

Дорогой Пат!

Однажды ты застал меня за вырезанием мини-атюрной фигурки из дерева и предложил: «Может, сделаешь что-нибудь и для меня?»

Я поинтересовался, что именно ты хочешь, и в ответ услышал: «Шкатулку».

«Для чего?»

«Складывать вещи».

«Какие именно?»

«Всякую всячину», — ответил ты.

Ну вот, шкатулка готова; в ней уместилось почти все, что у меня есть, и все равно осталось много места. Здесь боль и переживания, печали и радости, мысли дурные и добрые — замыслы, приносящие удовлетворение и повергающие в отчаяние, а также не поддающееся описанию счастье творчества.

А поверх всего — огромная благодарность и моя любовь к тебе.

И все равно шкатулка не заполнена до конца.

Джон.

Часть первая

Глава 1

1

Салинас-Вэлли расположен в Северной Калифорнии и представляет собой длинную узкую полосу равнины между двумя цепями гор, посреди которой бежит, извиваясь и петляя, река Салинас, заканчивающая свой путь в заливе Монтерей.

Я помню, как назывались во времена моего детства травы и скрывающиеся в них загадочные цветы, знаю, где находится жилище жабы, в котором часу просыпаются летом птицы, как пахнут деревья и какой аромат у каждого времени года. Помню местных жителей, их походку и даже запах. Память хранит множество разных запахов.

Помню, что раскинувшиеся к востоку от долины горы Габилан светлые и жизнерадостные, обласканы солнцем и полны очарования. Они зовут и влекут к себе, и хочется взобраться на теплые склоны, как на колени к любимой матери. Манящие горы, покрытые бурой травой и пропитанные любовью. На западе упираются в небо вершины Санта-Лусия, заслоняющие долину от океана. Темные и угрюмые, они таят враждебность и угрозу. Я всегда испытывал благоговейный страх перед западом и всей душой любил восток. Затрудняюсь объяснить причи-

ну. Возможно, она кроется в том, что из-за вершин Габилан приходит утро, а ночь наползает с хребтов Санта-Лусия, и две горные цепи ассоциируются у меня с рождением нового дня и его угасанием.

По обе стороны долины с горных ущелий в реку Салинас стекали маленькие ручейки. Зимой в дождливые годы ручейки превращались в бурные потоки, наполняющие реку до краев, и в один прекрасный день она закипала в приступе ярости и выплескивалась из берегов, разрушая все вокруг. Случалось, река отхватывала находящиеся вблизи берега большие куски фермерских угодий, опрокидывала амбары и дома, переворачивая и унося их с собой, ловила в свой капкан коров, свиней и овец, топила в бурых от грязи водах и увлекала в море. Потом, с наступлением поздней весны, река постепенно мелела, открывая песчаные берега, а летом и вовсе пересыхала, и только под высокими обрывами, где недавно бурлили глубокие водовороты, оставались лужи. Снова вырастал камыш и трава, и распрямлялись ивы, на верхних ветвях которых виднелся застрявший мусор, принесенный во время паводка. Салинас — река непостоянная и течет на поверхности не круглый год, а с лучами летнего солнца уходит под землю. Она не отличается особой красотой, но другой в тех местах нет, и мы любили хвастаться грозным нравом нашей Салинас в дождливую зиму и удивительной способностью бесследно исчезать в песке засушливым летом. Впрочем, хвастаться можно чем угодно, если ничего другого под рукой нет, да и вообще чем меньше имеешь, тем сильнее тянет бахвалиться.

Низинная часть Салинас-Вэлли, которая находится между горными цепями, ниже предгорий, со-

вершенно плоская, потому что когда-то сама долина была дном узкого морского залива длиной в сто миль. Давным-давно устье реки в Мосс-Лэндинг служило входом в этот залив. Однажды отец пробурил колодец посреди долины. Сначала бур прошел сквозь пахотный слой и гравий, а потом показался белый морской песок, в котором было полно ракушек и даже попадались частицы китового уса. Двадцать футов песка в глубину — и снова чернозем, где мы нашли обломок красного дерева, чья древесина отличается прочностью, не гниет и не портится. Должно быть, еще раньше, до появления морского залива, в долине рос лес. И все эти чудеса творились прямо у нас под ногами. Порой по ночам мне слышался и шум моря, и шелест секвой в древнем лесу.

На равнинных землях пахотный слой толстый и плодородный. После щедрой на дожди зимы он мгновенно покрывался травой и цветами. В дождливый год весенние цветы невероятно красивы. Вся равнина и предгорья пестрели ковром люпина и маков. Как-то раз я услышал от одной женщины, что букет из разных цветов покажется еще ярче, если добавить несколько белых цветков для контраста. Лепестки люпина оторочены белой каемочкой, и потому люпиновое поле поражает невероятной синевой, в которую пылающими искрами вкрапляются калифорнийские маки. Их цвет обжигает: не оранжевый и не ярко-желтый, и стань чистое золото жидким, как молоко с отстоявшимися сливками, оно, наверное, имело бы такую же жгуче-пламенную окраску, что и наши маки. Маки отцветали, и им на смену поднималась в полный рост желтая горчица. Когда мой дед осел в долине, горчица была такой высокой,

что над желтыми цветами виднелась только голова всадника, едущего верхом на лошади. На плоскогорьях трава усыпана лютиками, живучками и желтыми полевыми фиалками с темными серединками. Чуть позже расцветают красные и желтые индейские кастиллеи. Эти цветы растут на открытой местности, где много солнечного света.

В тени виргинских дубов расцветал венерин волос, наполняя воздух сладким ароматом, а под покрытыми мхом берегами реки свисали заросли пятипалых папоротников и золотарника. А еще там росли колокольчики, похожие на изящные кремово-белые фонарики, полные колдовских чар и скрытого порока. Они встречались очень редко, и ребенка, которому посчастливилось найти один цветочек, выделяли из всей компании, и он становился героем дня.

С наступлением июня набравшие силу травы начинали жухнуть, и холмы приобретали бурю окраску, которую и бурой-то не назовешь, скорее золотистой с желто-оранжевым отливом и примесью красного — одним словом, цвет, не поддающийся описанию. С этого момента и до следующих дождей земля на равнине становилась все суше, покрывалась трещинами, ручьи пересыхали, и река Салинас уходила в песок. По долине гулял ветер, поднимая в воздух облака пыли и сухой травы. Продвигаясь на юг, он становился все сильнее и резче, а вечером утихал. Колючий изматывающий ветер нес частицы пыли, которые въедались в кожу и раздражали глаза. На работу в поле люди надевали защитные очки и заматывали нос платком, чтобы туда не набилась грязь.

На равнине земля была богатой и плодородной, а на предгорьях пахотный слой совсем тонкий, все-

го несколько дюймов, на глубину вросших в него коротких корней травы. Чем выше поднимаешься в горы, тем тоньше становится плодородный слой, сквозь который проступают наружу осколки камней, и наконец за кустарниками начинается сплошная полоса кремневой гальки, от которой, слепя глаза, отражаются знойные солнечные лучи.

Я рассказал об урожайных годах, когда шли обильные дожди, но случались и страшные засухи, наводившие ужас на всех жителей долины. Дождливые и засушливые годы чередовались по тридцатилетнему циклу. Сначала выпадало пять-шесть замечательных лет с проливными дождями, когда уровень осадков составлял девятнадцать—двадцать пять дюймов, и напитанная влагой земля сплошь покрывалась сочной травой. За ними следовало шесть или семь вполне сносных лет с осадками двенадцать—шестнадцать дюймов. Потом наступали засушливые годы, во время которых дождей выпадало всего семь-восемь дюймов. Земля высыхала, трава не хотела расти, и на равнине появлялись большие, словно пораженные паршой проплешины. Виргинские дубы чахли, их кора напоминала коросту, и даже полынь становилась безжизненной и серой. Почва покрывалась трещинами, источники пересыхали, и домашний скот вяло жевал сухие ветки. И тогда все фермеры и хозяева ранчо проникались жгучей ненавистью к Салинас-Вэлли. Коровы тощали на глазах и нередко подыхали с голоду, а людям приходилось возить на фермы питьевую воду в бочках. Некоторые семьи продавали за бесценок все имущество и отправлялись искать счастья в другие края. С приходом очередной засухи люди

не вспоминали о годах урожайных и сытых, а когда снова начинались обильные дожди, напроць забывали о голодных засушливых временах. Так и жили.

2

Вот какой была долина Салинас-Вэлли, длинной узкой лентой вклинившаяся между гор. Ее история такая же, как у всего штата Калифорния. Сначала здесь жили индейцы, никчемное пассивное племя, лишенное изобретательности и элементарной культуры. Люди, питающиеся личинками жуков, кузнечиками и моллюсками, слишком ленивые, чтобы охотиться или заниматься рыбной ловлей. Они ели то, что можно просто подобрать с земли, и ничего не сажали и не сеяли, а муку делали из горьких толченых желудей. Даже их войны походили на вымученную пантомиму.

Потом появились экспедиционные отряды суровых расчетливых испанцев. Алчные и практичные, они жаждали золота и насаждали веру в своего бога, коллекционируя людские души как драгоценные камни. Испанцы захватывали горы и долины, реки и земли, простирающиеся до самого горизонта. Именно так и в наши дни добиваются права на приобретение участка под застройку. Эти упрямые безжалостные люди сновали по всему побережью. Некоторые оседали на основании дарственной на земельные владения величиной с целое графство, пожалованной испанскими королями, не имеющими ни малейшего представления о том, что представляет собой подобный дар. Первые землевладельцы жили в бедных феодальных поселениях, и их домашний скот бесхозно бродил по окрестностям,

плодился и множился. Время от времени животных забивали ради шкуры и жира, а мясо бросали на съедение грифам и койотам.

Как только испанцы появились в этих краях, сразу возникла потребность дать названия всему, что видит глаз. Такова неременная обязанность любого путешественника и первооткрывателя. Впрочем, не только обязанность, но и преимущественное право. Прежде чем нанести то или иное место на нарисованную от руки карту, нужно придумать подходящее имя. Разумеется, испанцы были людьми религиозными, а читать, писать, вести путевые дневники и записи и рисовать карты умели неутомимые и фанатичные священнослужители, путешествующие вместе с солдатами. В результате первые названия давали в честь святых или религиозных праздников, которые отмечались на привале. Святых великое множество, и все же их число безгранично, а потому встречаются и повторы. И вот появляется Сан-Мигель, Сент-Майкл, Сан-Ардо, Сан-Бернардо, Сан-Лоренцо, Сан-Карлос, Сан-Францискито. А потом идут праздники: Нативидад (Рождество Христово), Насимьенте (Рождество Девы Марии), Соледад (Уединение). Некоторым местам давались названия в зависимости от настроения экспедиции в данный момент. Так появилась Буэна-Эсперанца, добрая надежда, и Буэна-Виста, потому что перед путешественниками открылся великолепный вид, а также Чуалар, так как местечко оказалось на удивление красивым. Далее следуют описательные названия, такие как Пасо-де-лос-Роблес, в честь росших в этом месте дубовых деревьев. Лос-Лаурелес обязан своим названием лавровым кустам, Туларситос — камышам, растущим на соседнем болоте, а Салинас — солончакам.

Потом названия стали давать в честь животных и птиц. Примером тому служат Габилан, так зовутся орлы, летающие в этих горах, а также Топо, где водились кроты, и Лос-Гатос, место, в котором в то время обитали дикие лесные кошки. Идея названия иногда возникала из-за особенностей самой местности. Тассахара — чашка с блюдцем, Лагу-на-Сека — высохшее озеро, Корраль-де-Тьерра — земляная насыпь, и, наконец, Параисо, место, вызвавшее у путников ассоциации с раем.

После испанцев пришли американцы, отличавшиеся еще большей жадностью, потому что их самих тоже было гораздо больше. Они захватывали земли и переделывали в свою пользу законы. Повсюду, как грибы, росли фермерские хозяйства, сначала на равнинах, а потом и на склонах предгорий. Они представляли собой небольшие деревянные домишки, крытые дранкой из секвойи и огороженные частоколом. Стоило появиться на земле даже самому малому источнику воды, и дом рос на глазах, а семья множилась. Во дворе перед окнами дома высаживали красную герань и розовые кусты. Вместо тропинок появились наезженные телегами колеи, а поля, засеянные кукурузой, ячменем и пшеницей, вытеснили желтую горчицу. Вдоль проезжих дорог через каждые десять миль встречалась лавка с товарами или кузница, вокруг которых вырастали небольшие поселки, такие как Брэдли, Кинг-Сити, Гринфилд.

В отличие от испанцев у американцев имелась тенденция называть поселки в честь людей. После заселения равнин названия мест стали связывать с событиями, которые там произошли, и вот они-то и приводили меня в неопикуемый восторг, потому что за каждым скрывается давно забытая история.

На память приходит Болса-Нуэва — новый кошелек, Морокохо — хромой мавр (интересно, кто это такой и как тут оказался?) и каньоны Уайлд-Хорс — дикая лошадь, Шерттейл — пола рубашки или Мустанг-Грейд — племенной мустанг. Такие названия отражают характер людей, которые их придумали, и бывают почтительными или, наоборот, пренебрежительными, одни дают поэтическое описание, а другие звучат уничижительно. Любое место можно назвать Сан-Лоренцо, а вот каньон Пола Рубашки или Хромой Мавр — совсем другое дело.

Днем поселения насквозь продувались ветром, и фермеры посадили эвкалиптовые деревья, которые образовали ветрозащитную полосу протяженностью в несколько миль, чтобы уберечь пахотный слой от выветривания. Вот так выглядела Салинас-Вэлли, когда мой дед привез сюда жену и обосновался на предгорьях к востоку от Кинг-Сити.

Глава 2

1

Мой рассказ о Гамильтонах основан на слухах, старых фотографиях, семейных преданиях и расплывчатых воспоминаниях, где правда смешивается с вымыслом. Они были людьми ничем не примечательными и оставили после себя мало письменных упоминаний, да и те ограничиваются свидетельствами о рождении, заключении брака и смерти, а также документом на владение землей.

Молодой Сэмюэл Гамильтон и его жена родом с севера Ирландии. Он был сыном мелких фермеров среднего достатка, которые сотни лет прожили

на одном участке земли в одном и том же каменном доме. Гамильтоны умудрились получить на удивление хорошее образование, считались людьми начитанными, и, как часто случается в этой зеленой стране, их связывали узы родства и с влиятельной знатной верхушкой общества, и с беднотой. Один из многочисленных кузенов мог носить титул баронета, а другой — побираться по чужим домам. Разумеется, как все уважающие себя ирландцы, Гамильтоны вели свое происхождение от королей Ирландии.

Не знаю, что заставило Сэмюэла покинуть выстроенный из камня отчий дом и покрытую зеленью землю предков. Он никогда не интересовался политикой, и маловероятно, что причиной отъезда стало участие в мятеже. Сэмюэл был человеком кристально честным, и это исключает преследование со стороны полиции. Среди членов семьи ходили толки, которые и слухами-то не назовешь — так, некая витающая в воздухе недосказанность, — что он покинул родные края из-за любви, и отнюдь не к женщине, на которой женился. Не могу сказать, была ли эта любовь счастливой, или его чувства остались безответными и он бежал из-за уязвленной гордости. В семье все склонялись к первому варианту, ведь Сэмюэл слыл парнем красивым, обаятельным и веселым, и трудно представить молодую ирландскую крестьянку, которая не ответила бы ему взаимностью.

Дед приехал в Салинас-Вэлли в расцвете сил и здоровья. Энергия была из него ключом, а голову переполняли всевозможные идеи и замыслы. Глаза Сэмюэла поражали удивительной синевой, и когда он уставал, один глаз начинал слегка косить. Он был человеком мощного телосложения, а по натуре деликатным и в некотором роде утонченным. Даже

занимаясь крестьянским трудом, где без грязи никак не обойтись, он всегда выглядел безукоризненно чистым и опрятным. А еще Сэмюэл славился золотыми руками. Он был искусным кузнецом, плотником и резчиком по дереву и мог из любой деревяшки или куска металла смастерить какую-нибудь диковинку. Дед постоянно изобретал новые способы выполнить хорошо известное дело лучше и быстрее, но всю свою жизнь был начисто лишен таланта наживать деньги. Другие люди, в полной мере обладающие этим даром, брали на вооружение задумки Сэмюэла, выгодно продавали и богатели, в то время как сам изобретатель едва сводил концы с концами.

Трудно сказать, что привело деда в Салинас-Вэлли, место малоподходящее для человека, родившегося в краю, покрытом зеленью. Однако он приехал сюда за тридцать лет до начала двадцатого столетия вместе с миниатюрной женой-ирландкой, женщиной суровой и непреклонной, совершенно лишенной чувства юмора. Она придерживалась строгих пресвитерианских правил и моральных принципов, по которым все, что есть приятного в жизни, является грехом и подлежит осуждению.

Ума не приложу, где Сэмюэл ее отыскал, как ухаживал и почему женился. Подозреваю, что где-то в дальнем уголке сердца запечатлелся образ совсем другой девушки, так как дед был натурой порывистой и страстной, а его супруга проявляла свои чувства весьма скупой. Тем не менее за все годы, прожитые в Салинас-Вэлли, с юности и до самой смерти, никто не слышал, чтобы Сэмюэл ходил к другим женщинам.

Когда Сэмюэл и Лайза появились в Салинас-Вэлли, все хорошие земли на равнине, плодородные